

М. Исаковский

СКАЗКА О ПРАВДЕ

(По народных мотивам)

Михаил Васильевич Исаковский (1900—1973) не нуждается в специальном представлении читателю. Известнейший поэт, автор песен «Катюша», «Провожание», «Летят перелетные птицы», он при жизни завоевал огромную сочувственную аудиторию: был не по званию и прозванию, а по подлинному разлету своей популярности народным поэтом.

Личность и творчество Исаковского отмечены одной чертой, одним свойством, окрашивавшим все, что он писал и делал: поразительная, щепетильная, не знавшая оговорок и уклонений правдивость. И когда он писал свою, быть может, главную поэму «Сказка о правде», он прикасался к тому, что составляло коренную идею народной жизни и одновременно было смолоду особенно близко его душе.

Написанная, как и «Страна Муравия» Твардовского, в некрасовской традиции хождения русского крестьянского сына по земле за счастьем и правдой, сказка Исаковского и своей внешней, традиционной, скромной до аскетизма формой, и простотой, и звонкостью полнозвучной рифмы подтверждает эту верность автора безыскусной, прозрачной правде. Как бы безыскусной, спешу оговориться, потому что такая природная простота — большая редкость, и дается она великим напряжением души и работы. В народном стихе Исаковского нет «невнятицы» и загадки, принимаемой иногда за родовой признак поэзии, как нет и в нем самой поэзии стихийно пророчащего поэта. Он весь простота и «антипоэза», но скромное и негромкое слово его имеет свою притягивающую силу.

Поэма Исаковского писалась в 1945—1946 годах, то есть в ту пору, когда люди жили еще под впечатлением народного подъема, порыва к правде, разбуженного испытаниями войны и увенчанного Победой. Казалось, в послевоенной жизни эта сказка придется как раз ко двору. Но поэма не была тогда напечатана, да и вряд ли могла появиться в те годы, когда с жестокой несправедливостью были разруганы в печати замечательный рассказ Андрея Платонова «Возвращение», книга прозы Твардовского «Родина и чужбина», не говоря уж о том, что случилось с Ахматовой и Зощенко. В августе 1946 года Исаковский и сам испытал разрушительную силу недоброго, предвзятого суда: разносу подверглось его стихотворение-песня «Враги сожгли родную хату...», особенно усердствовал в «Комсомольской правде» критик Семен Тругуб. В этих обстоятельствах «Сказка о правде» не могла, конечно, увидеть свет, и автор обрек ее на то, чтобы рукопись осталась лежать в дальнем ящике стола.

Второй раз Исаковский вернулся к этой вещи в середине 60-х годов, когда его близкий друг Твардовский, давно знакомый с поэмой, вспомнил о ней и предложил напечатать на страницах «Нового мира», который он редактировал. В начале 1966 года в разговорах в редакции Твардовский, как хорошо помню, неоднократно обращался мыслями к «Сказке о правде», пересказывал ее сюжет — в особенности в связи с

тогдашними литературными спорами о правде «большой» и «малой». Напомню, что ища аргументы против неприкрашенной правды повестей Василя Быкова, Сергея Залыгина, Виталия Семина и других авторов-«новомирцев», чьи произведения подвергались особенно жесткой критике, некоторые рецензенты и литературные теоретики пытались разъять единое понятие правды. Выступая против «малой правды», «правды факта» и уповая на так называемую большую правду, «правду явления», «правду века», по существу, боролись с правдивостью как коренным свойством художественной литературы вообще. Поэма могла вписаться в контекст острых споров. «Сказка о правде» в 1966 году была принята «Новым миром», обсуждалась редакцией, но напечатана не была. Исаковский в ту пору тяжело болел, и близкие советовали ему отложить публикацию, боясь связанных с этим неизбежных волнений.

Не сомневаюсь, что если бы «Сказка о правде» была напечатана своевременно, это могло стать заметным событием для всей советской литературы. Поэма Исаковского вошла бы не только в литературные хрестоматии и учебники, но в само живое кровообращение поэзии, обогащая и очищая ее. Этого не случилось. Но и сейчас, как сможет убедиться читатель, подобно всему написанному не наспех и с серьезной убежденностью, эта вещь не опоздала. Более того, она способна получить новую силу звучания и в наши дни, чтобы быть опорой для тех, кто неуступчиво выступает за откровенность слова и правдивость дела.

Редакция благодарит Антонину Ивановну Исаковскую, предоставившую «Знамени» право первой публикации поэмы.

В.ЛАКШИН

«Знамя» № 10 (октябрь) 1987 г.

^ Часть первая

1

Когда это было—гадать мы не будем,—

Давно затерялся тот месяц и год.

Но только однажды надумалось людям

Узнать, доискаться — где Правда живет.

Повсюду о ней говорили немало,

А видеть ее не случалось пока.

И вот порешили, что время настало,

И выбрали миром посла-ходока.

В дорогу ему сухарей насушили,

Собрали — не знаю уж сколько — рублей,

Три пары лаптей запасных положили,—

Носи, мол, Савелий Кузьмич, не жалей...

Кузьмич собирался разумно, толково,—

Он был в этом деле великий знаток,—

И вышел к народу — совсем уж готовый, —

В руке посошок, за плечами мешок.

2

Простился Савелий с родными местами,

Отправился в путь по теплу, по весне...

А Правда — сказали — живет за лесами

В какой-то далекой-далекой стране.

Живет она там, никому не подвластна —

Владычица-Правда — сильна, молода.

Глаза ее зорки, лицо ее ясно,

И слово ее справедливо всегда.

Глумиться она ни над кем не позволит

Обиды она не простит никому.

Бесчестным и подлым глаза она колет,

Хотя б это было — царю самому.

А честным дает она силу такую,

Что в море не тонет, в огне не горит...

Шагает Савелий неделю, другую:

— Не близко, да что же, — дойду, — говорит.

С утра и до ночи шагает Савелий,

А солнце закатится, ночь подойдет,—

Разложит костер у какой-нибудь ели,

Вздремнет до рассвета и — снова вперед.

А лес — неприятный. Болотистый, топкий.

А лес нелюдимый — дремучий, сплошной.

Ни хаты нигде, ни дорожки, ни тропки,

Ни даже зарубки нигде ни одной.

Савелию трудно. Усталость да старость

Всё на ухо шепчут:— «Тебе бы на печь...

Поди, сухарей-то совсем не осталось,

Одѐжа порвалась и валится с плеч.

Куда тебе, старому, в дальние дали!»

Но он ободряет себя самого: —

Не так еще люди за Правду страдали,

И я потерплю, потружусь... Ничего...

И нет, не сдастся соблазну Савелий,—

Все дальше и дальше идет напрямик.

И вот уже видит — леса поредели,

А вот уж и город какой-то возник.

3

Савелий вошел в городские ворота,—

Толпится, бежит, суетится народ.

И начал расспрашивать он у народа: —

Позвольте узнать мне — где Правда живет?

Одни торопливо ему отвечали:

— Не знаем...

— Не слышали...

— Нету такой...

Другие совсем почему-то молчали,

А третьи печально махали рукой.

И только один повстречался речистый,

Что дал, как и надо, подробный ответ:

— Здесь все у нас есть — и цари, и министры,

Законы и судьи. А Правды вот нет.

И сами б ее мы увидеть хотели,

И сами вздыхаем — пришла бы хоть раз...

Да так ли все это? — не верит Савелий, —

У нас говорили, что Правда — у вас.

Пускай говорили,— заметил прохожий,—

А ты говоренью не всякому верь.

Коль здесь и была она раньше, быть может,

Так днем с фонарем не отыщешь теперь...

Савелий на палку оперся устало,

Седой головою поник старина:

У вас ее нету, у нас не бывало,—

Тогда укажите — так где же она?

Нельзя мне вернуться с пустыми руками,

Нельзя! И прохожий ответил ему:

Мне сказывал дед, что она — за горами,

А где — неизвестно о том никому.

4

Савелию люди снесли понемногу —

Кто грош, кто портянки, кто хлеба кусок.

Собрался Савелий и — снова в дорогу, —

В руке посошок, за плечами мешок.

Идет он по кручам, по скалам, по глыбам

И скрыть удивленье не может свое:
Эх, сколько земли тут поставлено дыбом!
Эх, сколько тут зря пропадает ее!

А дома почти из-за каждой полоски
Ведут мужики вековую войну...
И вспомнил Савелий родные березки,
Избенку свою и старуху-жену.

Сидит она, может, без соли, без хлеба
И ждет не дождется назад старика.
А он подобрался под самое небо,
Под самые что ни на есть облака.

Об острые камни изранены ноги,
И дождь его мочит, и солнце печет.
Бредет он один, без пути, без дороги,
И верстам, и дням потерял уже счет.

И все тут пустынно, безжизненно, глухо.
Однако ж Савелий стоит на своем:
За матушку Правду потерпим, старуха!
А сыщется Правда — не так заживем...

И кто уж там знает — нескоро иль скоро,—
Но встретил Савелий свой радостный день:

Все ниже и ниже становятся горы,
Все ближе и ближе дымки деревень.

5

Спустился Савелий Кузьмич на равнину,
Прошел, миновал он последний откос.
Пасут пастухи на лужайке скотину —
Все мелкую больше — овечек да коз.

У самой реки, в закопченной посуде,
Дымится обед на походном огне...
Скажите, пожалуйста, добрые люди,
Где Правда находится в вашей стране?

Хожу я, брожу по земле одиноко,
Жену сиротою оставил в дому...
До бога высоко, до Правды далёко,—
Пастух поговоркой ответил ему.—

И сами б ее мы увидеть хотели,
И сами вздыхаем — пришла бы хоть раз...
Да так ли все это? — не верит Савелий, —
Мне точно сказали, что Правда — у вас.

— Да кто ж тебе выдумал это, дружище?
Да как же такому поверить ты мог? —

У нас ее днем с фонарем не отыщешь,

А те, что искали, попали в острог.

И ты попадешь, коль расспрашивать будешь, —

Палач тебе мигом отхватит язык...

Так где ж она, где ж она, добрые люди? —

Хоть слово скажите! — взмолился старик.—

Нельзя мне вернуться с пустыми руками,

Нельзя!.. И пастух отвечает ему:

Мне сказывал дед, что она — за морями,

А где — неизвестно о том никому.

6

Собрался Савелий. Овечьего сыру

В дорогу ему принесли пастухи.

Спасибо за все. Оставайтесь с миром!

А я побреду уж страдать за грехи.

Пока еще движутся старые ноги —

Пойду, попытаюсь в последний разок...

И снова Савелий идет по дороге —

В руке посошок, за плечами мешок.

Идет по долинам, шагает по взгорьям,

Душа его думой все той же полна...

Подходит Савелий к широкому морю,
Гуляет по морю крутая волна.

Ударится в берег, застонет, заропщет,
И белые слезы взлетят в вышину...
Скажи, перевозчик, скажи, водогрёбщик,
Возможно ль попасть мне на ту сторону?

Мне нужно, — я Правды ищу непреложной,
Я шел сюда многие тысячи верст...
И тот отвечает: — Попасть-то возможно,
Да, видишь ли, дорог у нас перевоз.

Поспорил Савелий: мол, так не годится,—
Расходы мои без того велики...
Однако ж с деньгами пришлось распроститься,
Что миром собрали ему земляки...

7

Выходит корабль на морские просторы,
И скорбно Савелий глядит с корабля:
Прощайте, долины, пригорки и горы!
Прощай, хоть чужая, а все же земля!

Но вот и земля отодвинулась вскоре,—
Исчезла, растаяла вся без следа.

Куда ни посмотришь — бескрайное море,
И в полдень, и в полночь — вода да вода.

Неделя проходит, а нету причала,—
Хотя б островок показался какой!..
А море вскипало, а буря крепчала,
Корабль заливало волною морской.

Скрипит и дрожит он — совсем ненадежен,
Того и гляди — разойдется по швам.
И шепчет Савелий:
— Услышь ты нас, Боже,
Пошли свою милость великую нам...

И вдруг налетела такая махина,
Что с палубы мигом снесло старика.
Савелий подумал, что это кончина,
Но все ж ухватилась за что-то рука.

Подумал Савелий, что грешную душу Потребовал бог и что быть ей на дне.
А все-таки выплыл Савелий на сушу,
Добрался Кузьмич на каком-то бревне...

8

Обсох, отдышался Кузьмич понемногу
На желтом, на теплом приморском песке.

Умылся, напился и — снова в дорогу,

И снова шагает себе налегке.

И кто бы ни встретился — пеший иль конный, — Тотчас же Савелий Кузьмич за свое:

— Скажи, укажи, человек незнакомый,

Где Правда живет? Далеко ль до нее?

Но слышит ответ он все тот же, привычный:

— Не знаем...

— Не ведаем...

— Нет ее здесь...

Ты б в город подался — там знают отлично,

Там люди на это ученые есть...

— Что ж, в город так в город! — Наверно, недаром

Туда посылают. Попробуем там!

И бродит Кузьмич по дворам, по базарам,

По улицам шумным, по тихим церквам.

Однако ж и там невеселые вести,

Однако ж и там он следа не нашел:

«Мол, кто ее знает — в каком она месте,

Мол, ты обратился бы в адресный стол»...

Кузьмич приуныл: - Неужели же крышка? —

Весь свет обошел я, и вот тебе, вот...

Но тут подвернулся какой-то мальчишка:

— Я, дедушка, знаю, где Правда живет.

Я все расскажу вам, я все растолкую,—

Мы с бабушкой книжку читали одну —

Как выгнали за город Правду людскую

Богатые люди еще в старину.

С тех пор и живет она там, на отлете,

Вдали от дороги, в избушке своей;

Как за город выйдете — сразу найдете, —

Так сказано, дедушка, в книжке моей...

9

Савелий идет, опираясь на палку,

И шепчет: — «Ужель посчастливится мне?»...

Прошел он заставу, казармы и свалку

И видит — избушка стоит в стороне.

Стоит она — заткнуто тряпкой окошко,

И крыша, и стены покрылися мхом.

И к ней не ведет ни дорожка, ни стежка,

И только бурьян да крапива кругом.

Он палкою в дверь постучался несмело —

Мол, есть ли хозяйева в этом дому?

И дверь подалася, пошла, заскрипела,
И вышла седая старуха к нему.

Глядит на него вопросительным взглядом:

Чего тебе, страннику, надобно здесь?..

Мне, милая, Правду увидеть бы надо...

А та отвечает: — Я Правда и есть.

Кузьмич не поверил: — Нет, ты не такая, —

К другой я спешил наяву и во сне.

Так где ж она, где ж она, эта другая,

Что светит, как солнце? К ней надобно мне.

Я труд совершил для нее непомерный,

Всю горькую чашу я выпил до дна—...

А та отвечает: — Забыл ты, наверно,

Что Правда на свете бывает одна.

— Да нам же сказали, что ты — молодая, —

Вздыхает Кузьмич, — и собой хороша,

А ты же старуха — седая, худая, —

Посмотришь — в чем держится только душа.

А та отвечает: —

И это не диво: —

Забыл ты, — знать, память твоя коротка, —

Что выдумка только сладка и красива,

А сущая Правда сурова, горька.

Все верно. Все складно и ладно выходит, —
Кивает Савелий Кузьмич головой,
— Да что ж к тебе, Правда, никто не приходит?
Что ж стежки твои зарастают травой?

А нам-то сказали, что Правда-царица
О людях заботится ночи и дни,
Что люди на Правду готовы молиться! —
А где ж эти люди? А где же они? —

Ответила Правда:
— Всем людям я рада,
Да очень уж трудно на них угодить:
Богатому Правды и вовсе не надо,
А бедный боится сюда приходить:

И так на него навалилося много
И бед, и несчастий, и горя — всего,
А к Правде — длинна и терниста дорога,
А Правде служить — тяжелее того.

Не всякий способен решиться на это,
Он легче утешится сказкой о том,
Что Правда иная находится где-то —

В каком-то нездешнем краю золотом;
Что нет ее лучше, сильнее, красивей;
Она несурова, она нетрудна;
От мук и лишений, без всяких усилий,
Мгновенно людей избавляет она.

И ты ведь сказал мне, что ищешь такую,
Ты выдумке тоже поверил людской.
Но я не могу превратиться в другую,
И нету, Савелий, на свете другой—...

10

Так тяжело и горько Савелию стало,
Что еле он смог удержаться от слез.
Про все ты мне, матушка Правда, сказала,
Ответь же теперь на последний вопрос.

Ты знаешь — какие мы терпим лишения,
Ты видишь — как наша судьба тяжела,
Как ждали мы все от тебя утешенья,
А ты нас утешить ничем не могла.

Пусть мы представляли тебя по-иному,—
Все ж легче от этого делалось нам.
А если теперь возвращусь я до дому,

То что ж я скажу про тебя землякам?

Сказать им всю истину, как перед Богом,—

Да кто ж мне поверит? Какой человек?

Да там же за это убить меня могут,

Седины мои опозорят навек:

«Мол, что ты плетешь небылицы такие,

Бесстыжий бродяга, бессовестный мот! —

Пропьянствовал где-то на деньги мирские

И хочешь теперь одурачить народ!»

Нет, мне не поверят... А если, к примеру,

Поймут, осознают — так тоже беда:

Они ж потеряют последнюю веру,—

И что ж им — повеситься с горя тогда?

Прошу я тебя — научи, посоветуй...

Чего же молчишь ты? Ответь, помоги!..—

И Правда сквозь слезы сказала на это:

А ты... про меня-то... возьми... и солги...

Часть вторая

1

Кузьмич по-хорошему с Правдой простился:

Прости, если что-нибудь вышло не так...

Три раза поклоном земным поклонился,

Помедлил, вздохнул и пошел на большак.

Идет он, шагает тропой придорожной

В родные пределы, в родные места.

А все же на сердце чего-то тревожно:

Нет, это сказала она неспроста...—

Солги, говорит. А сама-то ведь плачет! —

Пошли ты ей, господи, счастья и сил...—

Спросить бы мне надобно — что это значит,

А я-то, дурак, у нее не спросил...

2

Однако уже и заря догорает,

Уже о привале подумать пора.

Кузьмич у пригорка костер затевает

И долго в раздумье сидит у костра.

Огонь — то померкнет, то взнимется ярче,

По веткам сухим побежит, трепеща...

О чем так глубоко задумался, старче? —

Вдруг кто-то нежданно спросил Кузьмича.

Кузьмич удивился: — Вот странное дело! —

Кто мог бы прельститься ночлегом моим?..—

И видит — стоит в одеянии белом

Какой-то большой человек перед ним.

До плеч достает шевелюра седая,

Глаза его в самую душу глядят.

И книга в руках у него золотая,

И буквы на ней золотые стоят.

Кузьмич на вопрос отвечает вопросом:

Да кто ж ты? Что бродишь в потемках один?

А я, — говорит он, — Мудрец и Философ,

А я человеческой мудрости сын.

Могу объяснить я любую основу,

Любое начало могу я постичь—...

В беседе с Философом, слово за словом.

Раскрыл свои думы Савелий Кузьмич:

«Никак не могу, мол, добраться до смысла,

Хоть все и казалось мне ясным сперва:

Она же ведь — Правда. Ей ложь ненавистна, —

К чему же тогда ей такие слова?

Сама ж она слабость людскую корила

И слабости той же сдалась под конец»...-

Нет, это не слабость ее говорила,

Не слабость, Савелий,— ответил Мудрец.—

Бывают на свете великие души,—
Не сразу постигнешь всю их глубину...
Садись-ка поближе, садись да послушай,
А я расскажу тебе притчу одну.

3

И начал Философ: — Однажды в столице
Судья, по приказу царя своего,
Несчастливого юношу бросил в темницу
И к смерти затем присудил он его.

А был этот юноша — добрый, красивый,
И был он у матери только один.
Но сколько ни плакала мать, ни просила,—
Не внял материнским слезам властелин.

В печали и скорби своей безутешной
Бродила она у тюремных ворот,
И думала: — Если уж смерть неизбежна,
То пусть он достойно и гордо умрет!

Пусть в сердце его не иссякнет отвага,
И мужество пусть не покинет его! —
Идущий во имя народного блага
Не должен страшиться конца своего! —

Так думала мать. Но и то понимала: —

А вдруг над собой потеряет он власть? —

Он так еще молод, он прожил так мало,

Что может отчаяться, духом упасть.—

И старая мать, для его утешенья,

Задумала сделать, что только могла:

Добилась она у судьи разрешенья

И в смертную камеру к сыну пришла.

Пришла, затаив свое тяжкое горе,

И тихо сказала: — Не бойся, родной! —

Я чую, я знаю, я верю, что вскоре

Опять, как и раньше, ты будешь со мной.

Я выпрошу, вымолю царскую милость,—

Ведь он же не зверь кровожадный в лесу.

И как бы мне ни было, что б ни случилось,

Но только тебя я от смерти спасу.

Настанет наш светлый, наш радостный праздник,

Ты больше не будешь сидеть под замком...

На площади, в час совершения казни,

Я трижды махну тебе белым платком.

Когда ты его над толпою заметишь,

То больше уже ничего не страшись.

И знай, что жива справедливость на свете,
И верь, что тебе возвращается жизнь...

4

С утра барабаны ударили глухо,—
Мудрец не спеша продолжает рассказ,—
И вышла на площадь седая старуха,
И стала у плахи в назначенный час.

Ведут ее сына на казнь из темницы,
И грозно сверкает оружие солдат.
Но, словно бы он ничего не боится,—
Так шаг его ровен, так тверд его взгляд.

Он чуточку только поник головою,
И крикнула мать: — Не страшися, сынок!..—
И трижды взлетел над притихшей толпою
Заплаканный, горестный, белый платок...

Подумай, Савелий, легко ли ей было? —
Но сын ее с мужеством встретил конец..
Нет, это не слабость ее говорила,
Не слабость, а сила, — прибавил Мудрец.

Она солгала, но какую ценою?
Она солгала, но во имя чего? —

Порой и неправда бывает святою,—
Такая неправда — превыше всего.

За эту неправду старуху седую
Народ через город понес на руках.
И вписано имя ее в золотую,
В нетленную книгу — на всех языках...

5

Мне нечего больше прибавить к рассказу,
Одно лишь прибавлю: умеи понимать...
Савелий вздохнул и ответил не сразу:
Да-а... Это была настоящая мать!

Такою бы мать — написать на иконе,
Со всеми святыми в почетном ряду...
Да ты же, Савелий, как видно, не понял —
Чего я хочу и к чему я веду...

Савелий помедлил, подумал с минуту:
Быть может, и так — не осмыслил сполна.
А все-таки кажется мне почему-то,
Что как бы на Правду похожа она.

И Правда — ведь тоже — как эта старуха, —

Солги, говорит. А зачем, почему? —

Затем, чтобы люди не падали духом

И твердо бы шли по пути своему;

Чтоб с верой рождались и с ней умирали,

Чтоб в тяжелой невзгоде не гнулись в дугу;

Чтоб грудью за матушку Правду стояли...

Но вот одного я понять не могу:

Ведь люди искать ее — снова и снова —

Пойдут, и найдут, и узнают о том,

Что сущая Правда — трудна и сурова, —

Узнают же, верно? — И что же потом? —

Мудрец отвечает:

— Узнают, выходит.

Но только не свалится ж Правда с луны:

Она ведь сама ни к кому не приходит,

А люди найти ее, люди должны!

И тот, кто отыщет — поймет непременно,

Что Правда — пускай и трудна, и горька,—

Но только она лишь вовеки нетленна,

Но только она лишь всегда велика;

И тот, кто увидит ее, разгадает,—

Такую почувствует силу в себе,

Что в море не тонет, в огне не сгорает,
Что радость победы приносит в борьбе;

Поймет он, что держится ею одною
Весь мир, и что нет, и не надо другой,
И в самое пекло пойдет за такую! —
Вот так-то, Савелий, мой друг дорогой.

6

Спасибо, прохожий, за доброе слово,—
Наполнил ты радостью сердце мое:
Хорошая притча — не скажешь худого,
Но будто б конец не такой у нее.

Хоть разумом слаб я и темен, быть может,
А все же кой-что примечаю, гляжу..
Садись-ка сюда да послушай, прохожий,
А я тебе новый конец расскажу.

И начал Савелий:

— Тот юноша видел,
Что все решено, и пощады не ждал.
Но матери он и намеком не выдал,
Что я, мол, неправду твою разгадал.

Молчал он и думал — какая большая,
Какая святая душа у нее! —
«Сидишь ты со мною, меня утешая,
А кто же утешит тебя самое?

Кто ношу с тебя непомерную снимет,
Кто высушит слезы на скорбном челе?..
Да будет твое материнское имя
Священным для всех сыновей на земле!

Пускай хоть во сне тебе счастье приснится,
Пускай хоть во сне к тебе радость придет!..
Прощай же навеки... Не бойся, орлица,—
Твой сын, твой орленок, как надо, умрет.

Своих палачей он с достоинством встретит —
Без страха, без слез и без жалоб судьбе»...—
Так юноша думал. А вслух он ответил:
Я все понимаю... Спасибо тебе...

И утром, на казни, открыто и смело,
Сказал он народу такие слова:
Я смерть принимаю за правое дело,
И Правда — да будет вовеки жива!..—

И был он лицом совершенно спокоен,
Как будто палач не его сторожил.

И лег он на плаху, и умер, как воин,
Как воин, последний свой подвиг свершил.

Давно уж, в безвестной могиле зарытый,
Лежит он — страдалец за бедный народ.
Но слово его до сих пор не забыто,
Но голос его и поныне зовет.

Он слышится людям все чаще и чаще...—
И тихо Философ промолвил в ответ:
Да-а... Был он, видать, человек настоящий,
Такие не часто рождаются на свет.

Он жил не напрасно, погиб не впустую,
Нигде не свернул он с прямого пути...—
И книгу Философ раскрыл золотую,
Чтоб имя героя в ту книгу внести.

7

Покуда Философ в той книге заветной
Пером драгоценным водил по листу,
Поднялся Савелий Кузьмич незаметно,
Неслышно пошел от костра в темноту.

Как видно, ему у костра не сиделось,—
Хотелось подумать, побыть одному,

И что-то хорошее сделать хотелось
Всем людям на свете и свету всему.

Савелий взошел, не спеша, на пригорок,
Кругом огляделся — пустынно, темно.
Давно уж заснул, успокоился город
И в нем ни одно не светилось окно.

Всю землю окутывал сумрак глубокий,
В низине туман по-над речкою лег.
И только чуть видный — далекий-далекий —
Наверно, у Правды горел огонек.

Увидел Савелий, и весь вострепнулся,
И сразу как будто раздвинулась мгла.
Он стал на колени, лицом повернулся
К тем самым пределам, где Правда жила.

И долго глядел на огонь негасимый,
Не в силах глаза от него отвести: —
Услышь своего неразумного сына,
О, матушка Правда, услышь и прости!

К тебе мое старое сердце стремится,
Тебе — мои думы и каждый мой вздох...
Как мог я в тебе хоть на миг усомниться?

Как душу твою разгадать я не мог?

Ты—наше спасенье, оплот и твердыня,

В ночи — путеводная наша звезда.

Клянусь тебе, матушка Правда,— отныне

Я твой безраздельно, я твой навсегда.

Ты — совесть моя и моя ты награда

За все, что мне в жизни пришлось испытать.

Пускай ты такая — другой нам не надо,

Великая Правда — подвижница-мать.

Одна ты на свете чиста и надежна,

Одна ты — источник всей жизни живой.

Коль счастье людское под солнцем возможно,

То люди найдут его только с тобой.

Пусть будет мне тяжело, пусть будет мне плохо,

Пусть ждут испытанья на каждом шагу,

Но в сердце своем — до последнего вздоха —

Я, матушка Правда, тебя сберегу.

Готов за тебя я и в пламя, и в воду,—

Ты только скажи мне, ты только пошли...

Да светится свет твой всем в мире народам,

Великая Правда великой земли!

Костер догорел. Только уголья тлели.

Философ давно уж ушел от костра...

Спокойный и ровный, вернулся Савелий,

Взглянул на восток и промолвил: — Пора!..

Заря на востоке все явственней брезжит

Ложится на травы густая роса.

Становится сумрак все реже и реже.

В лугах уже слышится чья-то коса.

Савелий пожитки собрал немудрые,

Напился, умылся водой ключевой,

И тронулся в путь, оставляя сырые

Следы на росистой траве за собой.

Вдали — петухи на деревне запели,

Коров созывает пастуший рожок...

Все дальше и дальше уходит Савелий —

В руке посошок, за плечами мешок.

Идет мимо сел, перелесков и пашен.

А утро все ярче, все шире, вольней...

На этом и сказка кончается наша,

И жизнь начинается следом за ней.

